

Л.Ю. Казанина. Столыпинские реформы в оценке российского общественного мнения (1906–1911). М.: АПК и ППРО, 2012. 379 с.

Реформаторская деятельность П.А. Столыпина, одного из наиболее ярких государственных деятелей последних имперских десятилетий, даёт богатую пищу для размышлений историков о судьбе России в начале XX в. Положение Столыпина не было похоже на то, в котором находились его предшественники и преемники. Пик его государственной карьеры пришёлся на время, когда с особенной остротой обозначилась проблема взаимоотношений власти и общества. Знаковым явлением тех лет было интенсивное развитие политических партий, которые уже в целом успели определиться со своими теоретическими платформами, а также прошли период идейного размежевания. У одних за плечами имелся значительный опыт работы, другие только проходили дебютный этап своего существования.

В современной историографии признаётся, что наиболее крупные партийные объединения заставили правительство обращать внимание на свою позицию по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Однако до конца так и не ясно, удалось ли общественным силам стать реальными игроками на политической сцене страны? Являлись они конструктивной оппозицией самодержавию или своей деятельностью лишь приближали драматический конец имперского режима? Какова, в конечном итоге, их ответственность за судьбу страны? Поискам ответов на эти вопросы и посвящена рецензируемая книга Л.Ю. Казаниной. В ней на основе партийной периодической печати анализируются отношения различных политических течений к реформаторскому курсу Столыпина. Автор критически подходит к столь сложному для анализа источнику. В исследовании содержится много интересных наблюдений и важных выводов, без которых трудно понять политическую ситуацию периода премьерства Столыпина. Казанина заключает, что уязвимость положения Петра Аркадьевича заключалась в отсутствии общественной поддержки обновляющемуся режиму и возможности опереться на влиятельную проправительственную партию. Октябри-

сты оказались временным и ненадёжным союзником. Поддерживая правительство по ряду вопросов, они столь рьяно указывали на несоответствие законопроектов их собственным взглядам, что их критика превращалась в популистские акции.

Ещё меньше шансов было у Столыпина найти понимание у крайне правых, а тем более – у кадетов и социалистов. Драматизм его положения заключался в том, что правые видели в нём революционера, а левые – реакционного консерватора. Первые упрекали его в излишней реформаторской смелости, вторые – в умеренности. В монографии показано, что одним из наиболее уязвимых мест политики Столыпина было применение ст. 87 Основных законов, дававшей право внепарламентского принятия законов. Если те или иные положения реформ встречали разные, порой полярные оценки всей оппозиции, то критика волевого законотворчества Петра Аркадьевича, несомненно, объединяла левых и правых (с. 176, 241, 245). Особенно возмущены были кадеты, которым сама возможность чрезвычайно-указного законодательства казалась недопустимой.

Что же мешало конструктивному диалогу власти и общества? Почему Столыпину не удалось направить общественные устремления на переустройство страны? По мнению Казаниной, «авторитарный самодержавный режим считал себя единственно способным сохранить историческую инициативу и рассчитывал самостоятельно выйти из любой кризисной ситуации... Перманентное, длящееся веками, конфронтационное состояние между властью и обществом было усилено пропагандистской деятельностью политических партий до такой степени, что практически была утрачена (и с той, и с другой стороны) психологическая способность к разумному компромиссу» (с. 363).

Эти выводы, основанные только на материалах прессы, конечно, не могут в полной мере отражать многообразие факторов, определявших степень взаимодействия или противостояния власти и общества. Они требуют ряда принципиальных

уточнений и дополнений. Действительно, трудно не согласиться с автором монографии, что «власть, приступившая к проведению трудных реформ и особенно остро нуждающаяся поэтому в активной поддержке общественного мнения, продемонстрировала ему “закрытость” своих действий, отчуждённость от его запросов и интересов, несмотря на усилия премьера П.А. Столыпина проводить реформы совместными усилиями правительства и Государственной думы, наладить диалог с обществом, в том числе через свои выступления в прессе» (с. 362–363). В контексте данного тезиса, Столыпин, на наш взгляд, предстаёт читателю несколько обособленной фигурой. Между тем он был прежде всего профессионалом-практиком, имевшим богатейший служебный опыт и прекрасно ориентировавшимся в сословно-бюрократических лабиринтах самодержавного строя. Ему противостояла демагогия доктринёров разных оттенков, в полемическом багаже которых были лишь бесконечные рассуждения о планах переустройства страны и обличительные оценки действий правительства. Они не спешили взять на себя практическую ответственность за ситуацию в государстве. В этом отношении Казанина прекрасно уловила опасения общественности относительно того, что «столыпинские преобразования ведут к смене политической элиты в стране и трансформации форм собственности» (с. 357).

При этом было бы несправедливо обвинять самодержавие в хроническом невнимании к общественным силам. Достаточно обратиться к практике пореформенных десятилетий, чтобы убедиться, насколько мнение общества было актуально для правительства. Представители общественности, пускай и дворянской, активно привлекались для обсуждения практически каждого серьёзного проекта реформ в области управления. И хотя вплоть до начала XX в. самодержавие категорически не допускало прямого участия общественных деятелей в политической жизни, при разработке социально-экономических проблем оно относилось к общественному мнению с большим вниманием. Со времени Великих реформ самодержавие целенаправленно распро-

страняло практику общественного участия в решении народнохозяйственных вопросов. Это особенно ощущалось на местах, где губернаторы видели в органах земского и городского самоуправления своеобразный индикатор народных нужд. Многие земские инициативы становились приоритетными объектами финансирования.

Более убедительной аргументации требует и стремление автора выделить отсутствие среднего класса в качестве причины срыва компромисса между властью и обществом (с. 362). Столыпин прекрасно понимал, что нельзя сразу перейти от самодержавной системы власти к такой, решающую роль в которой играло бы гражданское общество. Природа и технология его преобразований сводились к постепенной, эволюционной перестройке системы общественных отношений при сохранении регулирующих функций государства. Он стремился создать единое имперское правовое и экономическое пространство, с гибкой системой взаимосвязей коронной администрации и органов самоуправления. Либералы же, принимая желаемое за действительное, отказывались считаться со всё ещё крепкими традициями самодержавной политической культуры – приверженностью волевым решениям, разобщённостью правительства, и, главное, – избирательным учётом общественного мнения. Реформы Столыпина представлялись им и ими как волеизъявление власти, а не результат некоего общественного договора.

Не следует забывать, что позиции Столыпина крайне осложнялись не только отсутствием общественной поддержки, но и сложными отношениями с императором и Государственным советом. Недостаточно учитывал он и инертность сознания основной массы населения – крестьян. Все эти факторы также влияли на характер, методы и результаты преобразований.

Работа Л.Ю. Казаниной убедительно показала, что реализация реформаторского курса была не только в руках правительства П.А. Столыпина. Ответственность за судьбу реформ должна разделить и политически активная часть общества, причём выступавшая не только на стра-

ницах газет, но и с думской трибуны, а также в стихийных уличных митингах. Общественность в значительной степени формировала восприятие реформ как у образованной части населения, так и в городских и сельских низах, малограмотных, маргинальных прослойках. Низкий

уровень правовой и политической культуры основной массы населения в равной степени препятствовал пониманию как правительственной модели развития страны, так и её альтернативных вариантов.

А.С. Минаков
